

ТАВРИЧЕСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ

ПОДПИСКА
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣ-
домостей въ
Симферополѣ

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

ЦѢНА:

За годовое
изданіе съ
пересылкою

5 РУБ.

Бъ зъ пересыл.

3 РУБ.

1 Августа

№ 15

1875 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

Указъ. — Журналъ — Расп. Епар. Нач. — Перечневая вѣдомость.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Гурію, Епископу Таврическому и Симферопольскому.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенные Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ четыре журнала Учебнаго Комитета, *первый*, № 205, о рекомендованіи издаваемаго Мѣдниковымъ журнала «Народная Школа» въ качествѣ пособия для преподавателей педагогики въ духовныхъ семинаріяхъ, для учителей церковноприходскихъ школъ и въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ училищъ. *второй*, № 223, о допущеніи въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій книги ординарнаго профессора Университета св. Владимира В. Модестова; подъ заглавіемъ: «Лекціи по исторіи Римской литературы. Курсъ первый (Кievъ 1873 г.)»; *третій*, № 235, о возможности

одобрить составленную протоіереемъ А. Преображенскимъ книгу подъ заглавіемъ «Исторія земной жизни и ученія Господа нашего Иисуса Христа (С. П. Б. 1873 г.)» къ употребленію въ духовныхъ училищахъ въ качествѣ книги, могущей быть полезною для преподавателей св. исторіи Новаго Завѣта, и *четвертый*, № 249, о принятіи въ качествѣ учебнаго пособия для наставниковъ церковно-славянскаго языка въ духовныхъ училищахъ составленной Балицкимъ книги «Избранные отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, древняго и новаго, для грамматическаго разбора (С. П. Б. 1873 г.)». Приказали: Изложенныя въ означенныхъ журналахъ Учебнаго Комитета заключенія утвердить и, для объявленія о семъ Правленіямъ семинарій и духовныхъ училищъ, а равно и церковно-приходскимъ школамъ, послать епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ печатный указъ, съ приложеніемъ въ копіи журналовъ Учебнаго Комитета. Января 18 дня 1875 года.

ЖУРНАЛЬ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 235.

О книгѣ подъ названіемъ: «Исторія земной жизни и ученія Господа нашего Иисуса Христа (С.-Петербургъ 1873 г.)», составленной протоіереемъ церкви св. Апостола Павла, что при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ, Александромъ Преображенскимъ.

«Исторія земной жизни и ученія Господа нашего Иисуса Христа», составленная протоіереемъ Александромъ Преображенскимъ, есть не что иное, какъ священная исторія новаго завѣта. Но, по приѣмамъ и по характеру изложенія, она рѣзко выдѣляется изъ круга всѣхъ существующихъ нынѣ книгъ по новозавѣтной исторіи, изданныхъ для учебнаго употребленія. По способу изложенія она много напоминаетъ извѣстную исторію протоіерея Богословскаго. Здѣсь, какъ и тамъ, евангельскія событія излагаются буквальными и точными словами самихъ евангелистовъ, съ различнымъ перифразомъ евангельскаго текста, по-

мѣщаемыхъ обыкновенно въ скобкахъ и служащимъ для разъясненія и дополненія смысла евангельскихъ словъ. Но при этомъ сходствѣ есть и существенное различіе, не только отъ исторіи Богословскаго, но и отъ всѣхъ исторій другихъ авторовъ. Доселѣ всѣ составители гимназическихъ учебниковъ по евангельской исторіи ограничивались лишь простою и незатѣйливою передачею евангельскихъ фактовъ въ ихъ хронологической связи и послѣдовательности, безъ всякихъ комментариевѣвъ, въ томъ видѣ, какъ они изложены у самыхъ евангелистовъ. Но о. Преображенскій не хотѣлъ довольствоваться скромною ролью передатчика евангельскихъ фактовъ. Онъ задался мыслію выяснитъ каждый фактъ изъ жизни и ученія Иисуса Христа, показать его внутренній смыслъ, установить его отношеніе къ другимъ фактамъ, къ мѣсту, времени, обстоятельствамъ, къ господствовавшимъ тогда понятіямъ общества и т. п. Съ этою цѣлію между прочимъ, въ его «исторіи» помѣщено нѣсколько предварительныхъ параграфовъ, посвященныхъ объясненію того, «что за-лицо было І. Христомъ, почему и чѣмъ замѣчательно было въ политическомъ и религіозномъ отношеніи время, въ которое Онъ жилъ на землѣ, какія существовали и на чѣмъ основывались представленія о Немъ въ лицахъ предшествовавшихъ и современныхъ Ему» и т. п. Очевидно, что евангельская исторія съ такими задачами не можетъ быть предметомъ обученія въ низшихъ классахъ гимназій и духовныхъ училищъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, 10—12 лѣтнимъ мальчикамъ предъявлять такія требованія, какія предъявляетъ авторъ? Мыслимо ли, чтобы дѣти этого возраста не только знали евангельскіе факты въ ихъ хронологической и географической связи, но и постигали ихъ внутренній смыслъ и отношеніе къ обстоятельствамъ, современнымъ жизни Богочеловѣка на землѣ? Въ иностранной литературѣ, дѣйствительно, существуютъ учебники по священной исторіи съ задачами, какія преслѣдуетъ о. Преображенскій; но такіе учебники издаются тамъ для высшихъ школъ и для лицъ, готовящихся къ званію учителя, народныхъ училищъ. Въ этихъ видахъ совершенно понятно изложеніе евангельскихъ событій съ научными приѣмами, направленными къ разъясненію внутренняго смысла еван-

гельскихъ фактовъ. У насъ же, гдѣ евангельская исторія преподается въ низшихъ классахъ гимназій и училищъ, подобный способъ изложенія евангельскихъ событій оказывается преждевременнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Чтобы яснѣе видѣть неудобство приемовъ о. Преображенскаго въ изложеніи евангельской исторіи для малолѣтнихъ учениковъ представимъ нѣсколько выдержекъ. Вотъ напр. рассказъ автора объ исцѣленіи І. Христомъ бѣсноватаго слѣпovaго (§ 41). Исторія этого чуда очень коротка. «Однажды — говоритъ авторъ — въ Капернаумъ привели къ І. Христу бѣсноватаго; по дѣйствию злаго духа онъ былъ слѣпъ и нѣмъ. Было множество народа. Христось изгналъ бѣса и нѣмой сталъ видѣть и говорить. Народъ изумлялся и говорилъ: «Ужели же это не Мессія, сынъ Давидовъ»? Вотъ и вся фактическая сторона чуда. Но такъ какъ авторъ не довольствуется однимъ изложеніемъ фактовъ, а старается выяснитъ еще ихъ внутренній смыслъ, то онъ пускается въ слѣдующія разсужденія по поводу этого чуда. «Что было дѣлать — продолжаетъ онъ далѣе — фарисеямъ и книжникамъ, изъ которыхъ многіе пришли даже изъ Іерусалима, и пришли собственно за тѣмъ, чтобы наблюдать за Іисусомъ и препятствовать народу признатъ въ немъ Мессію Христа? Чудо исцѣленія бѣсноватаго было очевидно для всѣхъ, какъ дѣло высшее человѣческаго, какъ дѣло Божіе, какъ дѣйствіе Духа Святаго. Какъ уничтожить въ народѣ необыкновенное впечатлѣніе, произведенное этимъ чудомъ? Не иначе — разсуждаетъ авторъ, — какъ вопреки собственному убѣжденію и совѣсти увѣритъ народъ, что это чудо есть дѣйствіе духа злаго, а не Божія, и что вообще оно совсѣмъ не такъ важно, чтобы изъ-за него слѣдовало признатъ Іисуса за Христа Мессію. И вотъ одни изъ нихъ стали говорить, что въ самомъ Іисусѣ злой духъ, даже болѣе — вселъзевуль, князь бѣсовскій, и что при его-то помощи Іисусъ и изгоняетъ злыхъ духовъ. Мало того: этотъ слухъ, что Іисусъ вышелъ изъ себя, находится подъ влияніемъ злаго духа, постарались довести и до родныхъ Его. А другіе распространяли мысль, что исцѣленіе больныхъ и бѣсноватыхъ совсѣмъ не

доказательство того, что Иисусъ есть Мессія Христосъ и т. д. Подъ влияніемъ такихъ внушеній собралось много народа». Что же дѣлаетъ І. Христосъ? «Вѣдая мысли ихъ — продолжаетъ авторъ — Иисусъ Христосъ сталъ опровергать клевету фарисеевъ и книжниковъ о сношеніи Его съ злымъ духомъ». Какъ же онъ опровергаетъ? Здѣсь вмѣсто того, чтобы привести буквальныя слова Спасителя на эту нелѣпую клевету, въ томъ видѣ, какъ они изложены у евангелистовъ, авторъ облекаетъ отвѣтъ Спасителя въ логическую форму и выводитъ изъ него четыре аргумента или доказательства противъ хулы фарисеевъ:

- 1) «Всякое царство и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ противъ себя, не устоитъ и запустѣетъ. Стало быть — дополняетъ авторъ отъ себя — если Я, по вашимъ словамъ изгоняю бѣсовъ силою вселзевула, то значить сатана возсталъ на самого себя и, значить, пришелъ конецъ его царства. А этого вы сами не можете допустить».
- 2) «Если же при всемъ томъ вы все-таки говорите, что Я изгоняю бѣсовъ силою вселзевула: тогда чьею же силою изгоняютъ ихъ ваши сыны? Дѣйствіе одно, значить, и сила, которая производитъ его одинакова, но про нихъ вы не скажете, что они дѣйствуютъ силою злаго духа, а скажете, что силою Духа Божія. Значить ваши же сыны увѣряютъ васъ, что Я изгоняю бѣсовъ силою Духа Божія; а изъ того, что Богъ черезъ Меня изгоняетъ сатану и тѣмъ лишаетъ его царства надъ людьми, вы, напротивъ, должны бы были понять, что уже наступило ожидаемое вами Царство Божіе, Царство Мессіи» и т. д. въ томъ же родѣ. Неудобство такого способа изложенія священной исторіи для учениковъ низшихъ классовъ очевидно само собою. Тутъ много резонерства, много отвлеченныхъ и замысловатыхъ разсужденій, очень затруднительныхъ для дѣтскаго пониманія и усвоенія. При этомъ нельзя одобрить привычки автора — облекать отвѣты І. Христа въ логическую форму, представлять Его спорящимъ о чемъ либо, или опровергающимъ что либо. Подобныя понятія не совмѣстимы съ лицемъ Богочеловѣка. Опровергать или доказывать что либо свойственно существо ограниченному, которое, не обладая всевѣдніемъ и непроникая мгновенно всей глубины вопроса, старается отыскивать разные доводы

въ свою защиту. Иисусъ Христосъ же, какъ Богъ всевѣдущій, никогда ничего не доказывалъ и не опровергалъ, а говорилъ прямо и просто, но всегда съ такою глубиною и всеобъемлемостію, что противникамъ нечего было возражать. Съ этимъ недостаткомъ у о. Преображенскаго тѣсно связывается другой, тоже неудобный въ учебной книгѣ. Анализируя и приводя въ логическую форму бесѣды и отвѣты І. Христа, онъ вынужденъ бываетъ часто дополнять слова Спасителя, какъ будто въ нихъ нѣтъ полнаго смысла, или говорить отъ себя, какъ бы отъ лица самаго І. Христа и вообще переплетать свои слова съ словами Спасителя, такъ что читатель, неполнѣ знакомый съ подлиннымъ текстомъ евангелія, можетъ придти въ недоумѣніе: гдѣ говоритъ авторъ отъ лица І. Христа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добавочныя слова авторскія ставятся, по крайней мѣрѣ, въ скобкахъ, въ другихъ же прямо влагаются въ уста Спасителя безъ обозначенія скобками, хотя Спаситель никогда ничего подобнаго не сказалъ. Говорилъ ли напр. І. Христосъ въ свою защиту противъ клеветы фарисеевъ, обвинявшихъ Его въ сношеніи съ веельзевуломъ, такъ: «По вашимъ понятіямъ необыкновенно силенъ веельзевулъ, князь бѣсовскій и крѣпки сосуды дома или царства его демоны, которыми онъ пользуется для исполненія злыхъ цѣлей своихъ по отношенію къ людямъ; но, видите, Я расхищаю, вещи сатаны — изгоняю нечистыхъ духовъ, разсѣваю въ людяхъ мракъ духа злобы, мракъ нечестія и заблужденій. Значитъ Я связалъ сильнаго, господствую надъ веельзевуломъ, дѣйствую не при его помощи. Да и вообще можетъ ли быть въ Моихъ дѣйствіяхъ, что либо общее съ діаволомъ? Я дѣлаю добрыя дѣла — совершенно противное тому, что дѣлаеть діаволъ: значитъ Я противникъ его, а не сообщникъ» (стр. 57—58). Или, говоритъ ли І. Христосъ такими словами: «Развѣ мало совершилъ Я для васъ знаменій? Такъ много, что даже язычники Ниневитяне возстанутъ на судъ... Новыя же знаменія для удостовѣренія, что Я Мессія, только болѣе жесточаютъ въ невѣріи ко Мнѣ злое сердце ваше» (стр. 58). Но вотъ еще другаго рода примѣръ, показывающій, какъ авторъ, въ силу той же привычки находить въ отвѣтахъ Спасителя логическіе доводы, извра-

щаетъ слова, дѣйствительно сказанныя Спасителемъ. Рѣчь идетъ о свидѣтельствѣ І. Христа о Себѣ, какъ о Богѣ, равномъ Богу Отцу. Какъ же говорить объ этомъ у автора І. Христосъ? «*Положи мѣ*, что если Я свидѣтельствую Самъ о Себѣ, то свидѣтельство мое не есть истинно. Но (1) вы посылали къ Іоанну и онъ засвидѣтельствовалъ объ истинѣ. *Впрочемъ* (2) у Меня есть свидѣтельство и высшее человѣческаго: дѣла, Мною творимыя, свидѣлствуютъ, что Отецъ послалъ Меня: И (3) пославшій Меня Отецъ самъ засвидѣтельствовалъ о Мнѣ. *Наконецъ* (4) изслѣдуйте Писанія: они свидѣлствуютъ о Мнѣ. *Потому-то* не думайте, что Я буду обвинять васъ предъ Отцемъ: есть на васъ обвинитель Моисей» (стр. 45). Такіе отвѣты І. Христа съ разными урывками и приставками, выдаваемыми за подлинныя слова Христовы, странно какъ то слышать уху, привыкшему къ евангельскому тексту. Наконецъ нельзя одобрить и того тона, въ какомъ излагается у автора жизнь и ученіе І. Христа для малолѣтнихъ учащихся. Въ предисловіи къ своей книгѣ о Преображенскій справедливо замѣчаетъ, что «составитель новозавѣтной исторіи долженъ быть подражателемъ евангелистовъ, помня, что истина говоритъ сама за себя и не нуждается ни въ какихъ искусственныхъ прикрасахъ съ нашей стороны, что благочестивыя чувствованія, размышленія, вразумленія и тому подобныя средства только вредятъ пониманію фактовъ, затемняютъ ихъ смыслъ и суживаютъ полноту ихъ значенія». Но, къ сожалѣнію, авторъ не слѣдовалъ этому, имъ же самимъ указанному, образцу. Правда, въ его книгѣ нѣтъ ни напускныхъ, приправленныхъ риторическими фразами, благочестивыхъ чувствъ, ни натянутыхъ нравственныхъ размышленій и наставленій; но за то у него нѣтъ даже и такихъ чувствъ, которыя естественно, сами собою, возбуждаются въ душѣ читателя при чтеніи евангельской исторіи какъ это мы испытываемъ, слушая или читая рассказы самихъ евангелистовъ. Взамѣнъ сего у него преобладаетъ сухой разсудочный анализъ евангельскихъ сязаній, непомѣрное можно сказать умничанье, стремящееся къ выясненію фактовъ. Нечего говорить о томъ, что дѣти не поймутъ его сужденій, какъ слѣдуетъ, или поймутъ по своему. Въ томъ и дугомъ случаѣ цѣль учебной книги не будетъ достигнута.

Но оказываясь непригодною для малолѣтнихъ учащихся, книга о. Преображенскаго можетъ служить полезнымъ учебнымъ пособіемъ для самихъ наставниковъ и законоучителей при преподаваніи новозавѣтной исторіи. Эти послѣдніе вполне поймутъ стремленія автора выяснить по возможности евангельскія событія и, конечно, воспользуются многими его сужденіями и замѣчаніями, (направленными къ уясненію внутренняго смысла евангельскихъ фактовъ). Для нихъ понятенъ будетъ и тотъ перифразъ евангельскаго текста, къ которому такъ часто прибѣгаетъ авторъ въ своей исторіи, и тотъ анализъ притчей И Христа, который имѣетъ въ виду объединить ученіе Спасителя и подвести подъ извѣстныя рубрики. Однимъ словомъ, наставники и законоучители найдутъ въ «исторіи» о. Преображенскаго подходящее для себя учебное пособіе для толковаго, разумнаго и отчетливаго преподаванія евангельской исторіи. Можно только замѣтить автору, что онъ размѣщаетъ нѣкоторыя евангельскія событія не въ надлежащемъ хронологическомъ порядкѣ. Поклоненіе напр. волховъ помѣщено у него послѣ срътенія, а не до срътенія І. Христа въ Іерусалимскомъ храмѣ (§ 16). Укрошеніе бури на озерѣ, изгнаніе легіона бѣсовъ въ странѣ Гадаринской, исцѣленіе кровоточивой и воскрешеніе дочери Іаира, безъ всякаго основанія, поставлены у него въ числѣ чудесъ, совершенныхъ Спасителемъ между второю и третью Пасхою, а не между первою и второю, какъ принято всѣми хронологами (§§ 43, 44, 45). Всѣ свидѣтельства Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ снесены у него въ одинъ параграфъ и помѣщены вслѣдъ за искушеніемъ І. Христа въ пустынь, хотя они происходили въ разные промежутки времени (§ 22). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваемой книги встрѣчаются произвольныя предположенія. Откуда напр. извѣстно автору, что въ то время, когда диаволь, искушая Спасителя, предлагалъ Ему броситься съ крыши Іерусалимскаго храма, «внизу толпилось множество народа» (ст 24), или, что народъ въ избраніи Іисусомъ Христомъ 12 апостоловъ усматривалъ нѣчто подобное тому, какъ земные цари избираютъ себѣ главныхъ начальниковъ въ управленіи государствомъ, потому думалъ, что вотъ наконецъ І. Христосъ объявитъ себя Царемъ и устро-

ить давно ожидаемое Царство Мессіи (стр. 48), или что преобразование Господне совершилось ночью (стр. 80)? По крайней мѣрѣ, евангеліе не даетъ основанія для такихъ предположеній. Само собою разумѣется, что всѣ замѣченныя погрѣшности и неточности должны быть исправлены авторомъ при слѣдующемъ изданіи своей книги.

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ находитъ возможнымъ составленную протоіереемъ церкви при С.-Петербургской Маринской больницѣ Александромъ Преображенскимъ книгу, подъ заглавіемъ: «Исторія земной жизни и ученія Господа нашего Іисуса Христа» (С.-Петербургъ 1873 года) допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, но не въ качествѣ учебнаго руководства или учебнаго пособія при изученіи священной исторіи Новаго Завѣта, а въ качествѣ книги, могущей быть полезною для преподавателей названнаго предмета.

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Таврическая духовная консисторія, вслѣдствіе возбужденнаго благочиннымъ Перекопскаго округа вопроса о томъ, какіе крестные ходы можно и какіе нельзя совершать безъ разрѣшенія высшаго начальства, опредѣленіемъ, утвержденнымъ Его Пресвященствомъ Пресвященнѣйшимъ Гуріемъ, Епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ, постановила: благочинному Перекопскаго округа и вмѣстѣ съ нимъ и духовенству Таврической епархіи, чрезъ епархіальныя вѣдомости, выяснить, что безъ разрѣшенія высшаго начальства не можетъ быть дозволяемо совершеніе крестныхъ ходовъ вновь, нарочито учреждаемыхъ, по случаю особенныхъ какихъ либо важныхъ событій, или происшествій въ приходѣ. Что же касается до обычныхъ въ средѣ православнаго народа крестныхъ ходовъ, совершаемыхъ по желанію прихожанъ; для освященія полей, или колодезѣвъ, во время засухи, бездождія или другаго какаго либо всеобщаго бѣдствія, то таковыя ходы всегда мо-

гуть быть совершаемы и безъ особаго разрѣшенія начальства, подобно тому, какъ совершаются крестные ходы во время освященія воды въ день Богоявленія, преполовенія и 1 августа, равно и крестные ходы, или процессіи при погребеніи умершихъ, потому что въ подобныхъ случаяхъ церковью положено не только не отложно совершать крестные ходы но и составлены на сіи случаи эктеніи и молитвы Государственными же законами подобныя крестные ходы невоспрещены. Но при подобныхъ крестныхъ ходахъ надлежитъ напередъ увѣдомлять мѣстную полицейскую власть, для принятія должныхъ мѣръ, къ предупреденію безпорядковъ.

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВѢДОМОСТЬ

о движеніи дѣлъ по Таврической духовной консисторіи

За Іюнь мѣсяца 1875 г.

	Отъ Мая мѣсяца осталось къ Іюню 1875 года			Въ теченіи Іюня вступило	Движеніе въ Іюнь мѣсяца.			Осталось къ Іюлю мѣсяца.		
	За справками.	Недоложенныхъ.	Резолюцій неисполненныхъ.		Должено.	Принято къ свѣдѣнію.	Положено исполнить.	Обращенныхъ къ справкамъ.	Недоложенныхъ.	Резолюцій неисполненныхъ.
ВХОДЯЩИХЪ БУМАГЪ										
По 1 рас. столу	5	10	20	140	150	48	120	—	2	5
— 2 суд. столу	2	—	3	25	25	5	20	4	—	1
— 3 Хозяйствен	2	—	11	107	107	27	88	5	—	—
— 4 Метрическ	5	—	—	140	140	18	120	7	—	—
Итого .	14	10	34	412	422	98	348	16	2	6

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ПОДПИСКА
принимается
въ Редакціи
Епарх. Вѣ-
домостей въ
Симферополь

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА БЪ МѢСЯЦЪ

ЦѢНА:
За годовое
изданіе съ
пересылкою
5 РУБ.
Безъ пересыл
3 РУБ.

1 Августа № 15 1875 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

Первый актъ. — Рѣчь. — Объявленіе.

I. ПЕРВЫЙ АКТЪ

въ Таврической духовной семинаріи.

Въ настоящее время считается неопровержимой истиной то, что школа и общество должны быть въ тѣсной связи между собою, что первая должна воиолнѣ сообразоваться съ нуждами послѣдняго. Но эта мысль, признаваемая теперь всѣми за аксіому, совершенно была чужда сознанию нашихъ отдаленныхъ предковъ: въ прежнее время наши русскія школы, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, были своеобразными техническими учрежденіями похожими на фабрики, внутренній механизмъ которыхъ былъ извѣстенъ только тѣмъ немногимъ лицамъ, которые, по своей службѣ, близко стояли къ нимъ. Общество же оставалось совершенно чуждымъ внутренней жизни школъ и пользовалось только

результатами их дѣятельности, также какъ оно пользовалось матеріями, выходящими изъ фабрикъ, воплиѣ довѣря какъ искусству фабрикъ, такъ и искусству школъ. Конечно, такое безучастное отношеніе общества къ внутренней жизни школъ обуславливалось, главнымъ образомъ, недостаточнымъ развитіемъ самаго общества, вслѣдствіе чего школа стояла выше общества и служила для него авторитетомъ. Такимъ образомъ, школа была предоставлена самой себѣ и слѣдствіемъ этого было то, что, съ теченіемъ времени, жизнь ея пошла по одной колесу, а жизнь общества—по другой. Школа образовала свою особенную сферу съ опредѣленными, разъ на всегда установившимися понятіями, взглядами и методами. Понятно, что впослѣдствіи она должна была совершенно оторваться отъ общества, жизнь котораго шла по естественнымъ законамъ развитія должна была сдѣлаться чуждою ему и лишиться реальной почвы. И дѣйствительно, спустя много лѣтъ, оказалось, что школа уже отстала отъ общества, что она руководилась такого рода понятіями, которыя давно уже вышли изъ общественнаго сознанія. Замѣтивъ такое ненормальное положеніе школы, общество сочло себя въ правѣ войти въ нее и провѣрить внутренній механизмъ ея жизни. Тутъ то открылись всѣ недостатки школы унаслѣдованные ею отъ предковъ, и оказалась насущная потребность въ радикальной ея реформѣ. Реформа была произведена и принесла желаемые плоды. Тогда общество, сознавая, что его критическое отношеніе къ школѣ можетъ сопровождаться только полезными результатами, начало дѣятельно слѣдить за внутреннею жизнью школы, желая знать всѣ ея подробности. Въ отвѣтъ на подобное желаніе общества теперь среднія и высшія учебныя заведенія ежегодно устраиваютъ у себя публичные акты, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, въ краткомъ отчетѣ познакомить общество съ жизнью заведенія въ продолженіи протекашаго учебнаго года.

Безъ сомнѣнія, публичные акты начались прежде въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ уже перешли въ духовныя, такъ какъ свѣтскія сословія опередили своимъ развитіемъ духовное. Но если

публичные акты полезны въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то они, по нашему мнѣнію, безусловно необходимы въ духовныхъ. Наши духовно учебныя заведенія, вслѣдствіе вѣковыхъ историческихъ условій, почти до послѣдняго времени были крайне разобщены съ обществомъ, замкнуты сами въ себѣ и слѣпо преданы консервативнымъ началамъ. Чуждые цивилизующаго вліянія общества, они твердо стояли на почвѣ традицій и въ продолженіи десятковъ лѣтъ не выходили изъ своего замкнутого круга понятій. Такая замкнутость духовныхъ заведеній, конечно, поражала крайнее недовѣріе къ нимъ общества съ одной стороны, а съ другой — способствовала существованію и развитію въ стѣнахъ самыхъ заведеній унаслѣдованныхъ отъ предковъ пороковъ, во всей ихъ первобытной грубости. Причинъ такого печальнаго явленія нужно искать въ исторической судьбѣ самаго духовнаго сословія. Отодвинутое реформою Петра Великаго на задній планъ, оно стало въ оппозицію къ начавшемуся тогда прогрессивному движенію, горячо стало держаться консервативныхъ началъ и съ того времени оставалось имъ вѣрнымъ болѣе столѣтія. Оно замкнулось почти въ касту, что, конечно, крайне вредило успѣху его общественной дѣятельности. Эта кастичность духовнаго сословія съ ея послѣдствіями отразилась и на духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Недовѣріе общества къ духовно-учебнымъ заведеніямъ росло съ каждымъ годомъ и, съ десятками лѣтъ, укрѣпилось до такой степени, что ни радикальныя реформы настоящаго времени, коснувшіяся духовно-учебныхъ заведеній, ни самыя энергическія мѣры къ устраненію старинныхъ ихъ недостатковъ не могли измѣнить общественнаго мнѣнія о нихъ. Взглядъ общества на эти заведенія, какъ на отсталыя, не отвѣчающія современнымъ вуждамъ общественной жизни, и притомъ — съ отличительными чертами грубости и невѣжества, существовалъ и, къ сожаленію до сихъ поръ существуетъ, не смотря на очевидныя факты, доказывающіе его неосновательность. Между тѣмъ, такимъ или инымъ отношеніемъ общества къ учебному заведенію опредѣляется степень его общественной пользы: если общество расположено къ учеб-

ному заведенію, то такое заведеніе имѣтъ болѣе гарантій на успѣхъ, и на оборотъ. Естественно, что духовно-учебныя заведенія и семинаріи въ особенности, имѣя задачею воспитывать и образовывать достойныхъ пастырей церкви, общественныхъ дѣятелей по преимуществу, должны особенно дорожить мнѣніемъ общества. Для того, чтобы гарантировать успѣхъ своихъ питомцевъ, они должны разубѣдить общество въ его должномъ представленіи о семинаріи и для этого пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ къ сближенію съ нимъ. Публичные акты составляютъ одно изъ лучшихъ средствъ къ подобному сближенію съ обществомъ. Вотъ почему духовно-учебныя заведенія съ удовольствіемъ устраиваютъ у себя теперь публичные акты. Это въ особенности мы могли замѣтить, присутствуя на первомъ публичномъ актѣ въ Таврической духовной семинаріи. Здѣсь акту приданъ былъ характеръ торжественнаго праздника. Приливъ многочисленной публики, по преимуществу изъ здѣшняго свѣтскаго общества, какъ нельзя болѣе соответствовалъ такому настроенію заведенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, краснорѣчиво говорилъ о томъ, что мѣстное общество съ живымъ интересомъ относится къ внутренней жизни Таврической семинаріи. — Но не все, однакожь, заинтересованные жизнью Таврической семинаріи, имѣли возможность присутствовать на ея первомъ актѣ: одни, быть можетъ, не могли явиться вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, другіе, какъ напр. отцы воспитываемыхъ въ семинаріи дѣтей, по отдаленности пространства, отдѣляющаго ихъ отъ заведенія. Имѣя въ виду такихъ лицъ, мы и намѣрены вкратцѣ разсказать здѣсь то, что было въ Таврической семинаріи 22 іюня, настоящаго года, начиная съ $1/2$ 10 часа утра и до двухъ съ половиною часовъ по полудни.

Ровно въ $1/2$ 10 часа утра прибылъ въ семинарію Преосвященный Гурій, Епископъ Таврическій и Симферопольскій и тотчасъ же въ семинарской церкви началось торжественное архіерейское служеніе при участіи отца Ректора семинаріи, Архимандрита Арсенія, кафедральнаго протоіерея Троицкаго, влючаря собора протоіерея Жежеленко и

воспитанника семинарі — священника Славостникова. Служеніе со-
 провождалось пѣніемъ двухъ хоровъ — архіерейскаго и семинар-
 скаго, что еще болѣе увеличивало обыкновенную его торжествен-
 ность. — Не знаю — испытывали ли вы, любезный читатель, что
 нибудь особенное, присутствуя на архіерейскомъ служеніи; но что
 касается меня, то я всегда переживаю въ это время такіа ощу-
 щенія, какихъ не приходится испытывать никогда въ другое вре-
 мя. Видя предъ собою сонмъ служителей церкви съ маститымъ архи-
 пастыремъ во главѣ и слыша ихъ постоянные возгласы къ Творцу о
 помилованіи, самъ невольно отрываешься отъ всего земного, стремишься
 мысленно туда же, въ небеса, къ престолу Всевышняго и въ это вре-
 мя изъ глубины души, страдающей отъ сознанія своего ничтожества,
 вырывается плачевная мольба: „Боже помилуймя грѣшнаго“! Потомъ, спу-
 стя мгновеніе, какъ бы въ вознагражденіе за пережитое, въ душу какъ
 будто вливается небесная благодать, ее наполняютъ свѣтлыя, пріятныя чув-
 ства, которые и становятся уже ея достояніемъ на долгое время. — Тоже са-
 мое, если еще не болѣе, я испыталъ и 22 июня, присутствуя въ семинарской
 церкви. Но не одинъ я переживалъ тогда подобныя минуты: мое вни-
 маніе невольно остановилъ на себѣ одинъ изъ воспитанниковъ семи-
 наріи, стоявшій вблизи меня. Онъ молился съ необыкновеннымъ жа-
 ромъ: онъ часто билъ поклоны, изъ груди его вырывались глубокіе
 вздохи, на глазахъ, устремленныхъ вверхъ видѣлись слезы. Но на
 лицѣ его можно было читать не страданіе, а неописанную радость: онъ
 не просилъ у Бога, а благодарилъ, онъ чувствовалъ вблизи себя при-
 сутствіе Небеснаго Отца, и задыхался отъ счастья. Припомните, лю-
 безный читатель, свою юность, когда вы, быть можетъ, послѣ тяже-
 лаго, годичнаго труда въ школѣ и тревожнаго періода экзаменовъ,
 увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, обращались съ благодарностію къ
 Богу, — и вы поймете чувство, испытанное тѣмъ ученикомъ.

Обѣдня кончилась. Его Преосвященство, въ сопровожденіи духов-
 ныхъ лицъ, отправился въ квартиру отца Ректора семинаріи; а пу-
 блика, вышедши изъ церкви, начала ходить по зданію, интересуясь

каждымъ его уголкумъ. До акта, начало котораго было назначено въ 12¹/₂ часовъ по полудни, оставалось еще около часа. Вездѣ слышались сужденія, вопросы, недоумѣнія и т. п. Среди нихъ время незамѣтно протекло. За четверть часа до начала акта, дверь въ актовый залъ отворилась и публика густой толпой хлынула туда. Послѣдуемъ мы за нею, любезный читатель.

Стѣны семинарскаго зала, въ которомъ имѣлъ быть актъ, не одинаково украшены: всѣ мѣста подъ стѣнами лѣвой половины зала отъ входной двери заняты шкафами, наполненными книгами. Это семинарская бібліотека. Стѣны же правой половины зала украшены портретами въ золотыхъ рамкахъ—Государя Императора во весь ростъ, Преосвященнаго Гурія Епископа Таврическаго и Симферопольскаго, Оберъ-Прокурора Св. Синода, графа Дмитрія Андреевича Толстаго и семью большими географическими картами. Около портрета Государя поставленъ столъ и вокругъ него кресла для высшихъ въ общественной іерархіи лицъ. Недалеко отъ стола помѣщена кафедра, обращенная лицевою стороною къ входной двери. За кафедрою тянутся длинные ряды стульевъ, предназначенныхъ для публики. Наконецъ, за стульями оставлено пустое мѣсто, которое тотчасъ же, по открытіи зала, заняли два хора пѣвчихъ — архіерейскій и семинарскій и воспитанники семинаріи.

Огнувъ взоромъ публику, мы видимъ, что около половины ея принадлежитъ къ такъ называемому пребрасному полу; другая, значительная часть состоитъ изъ лицъ мужескаго пола, принадлежащихъ къ мѣстному свѣтскому обществу и, наконецъ, незначительный процентъ лицъ духовнаго званія. Во всемъ залѣ слышится шопотъ; тамъ сосѣди, нехотя, перебрасываются словами, въ другомъ мѣстѣ двѣ дамы ведутъ оживленный споръ; въ то же время за стульями откашлялся громовой басъ, какъ бы давая понять публикѣ, что скоро онъ заявитъ ей себя. На всѣхъ лицахъ выражается нетерпѣливое ожиданіе.....

Вдругъ всѣ замолкли и поднялись съ мѣстъ: въ залѣ вошелъ Преосвященный въ сопровожденіи о. Ректора, наставниковъ семинаріи и духовныхъ лицъ. Раздалось стройное, двухъ — хорвое, пѣніе тропаря „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“.... Когда окончилось пѣніе тропаря и всѣ опять заняли свои мѣста, пѣвчіе подъ управленіемъ регента архіерейскаго хора, священника Димитрія Койко, пропѣли гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ“.... и, нужно отдать справедливость, пѣніе гимна было очень гармонично. По окончаніи гимна, одинъ изъ наставниковъ семинаріи, Н. А. Сахаровъ, получивъ благословеніе отъ Преосвященнаго, взшелъ на кафедру и сказалъ рѣчь на тему: „духовное образованіе въ 18 вѣкѣ“. Рѣчь продолжалась болѣе часа. О томъ, какова она была по достоинству, мы ничего не будемъ говорить, такъ какъ она будетъ печататься ниже и, стало быть, читатель самъ будетъ имѣть возможность съ нею познакомиться. — Послѣ рѣчи, пѣвчіе запѣли двухъ — хоровой концертъ: „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ“.... Концертъ былъ выбранъ очень удачно и во время пѣнія его особенное вниманіе публики привлекъ къ себѣ solo-басъ, какъ искуснымъ владѣніемъ голоса, такъ и мастерскимъ выполненіемъ своей партіи. Лишь только концертъ кончился, другой наставникъ семинаріи, онъ же и секретарь семинарскаго правленія, А. В. Азлецкій, получивъ также благословеніе отъ Преосвященнаго, взшелъ на кафедру и прочелъ „отчетъ“ за первые два года существованія семинаріи. Отчетъ также будетъ печататься ниже. Наконецъ, по окончаніи отчета, два хора пѣвчихъ запѣли торжественной гимнъ „Боже Царя Храни“.... Во время пѣнія гимна Его Преосвященство и всѣ присутствующіе, по обычаю, стояли. Актъ закончился архипастырскимъ благословеніемъ, преподааннымъ присутствующимъ.

Нельзя было не замѣтить, что семинарскій актъ понравился публикѣ: на лицахъ многихъ посѣтителей выражалось довольство, говорящее какъ будто о томъ, что время, проведенное ими въ семинарскомъ залѣ, не пропало даромъ. Но особенное счастье отражалось на лицахъ воспитанниковъ семинаріи: они знали, что они главные винов-

ники торжества. Кроме того, они видѣли въ актѣ празднество, которымъ совершенно заканчивался тяжелый для нихъ учебный годъ. Они чувствовали, что на всегда уже распрощались съ однимъ классомъ, что какъ будто тяжелый камень свалился у нихъ съ плечъ, — и готовы были радоваться и радоваться безъ конца.

П. М.

II.

РѢЧЬ

читанная на первомъ торжественномъ актѣ въ Таврической духовной семинаріи.

Ваше Преосвященство,

М. м. Г. г.

Прошедшій годъ знаменателенъ для здѣшней семинаріи тѣмъ, что въ ней открытъ былъ полный курсъ ученія; а настоящій день тѣмъ, что она празднуетъ первый выпускъ своихъ воспитанниковъ. Юная по происхожденію, считающая годы своего существованія еще единицами, она въ этотъ для нея великій день не хотѣла отпраздновать свое торжество домашнимъ семейнымъ образомъ, а пожелала пригласить къ участию и здѣшнее общество, чтобы показать себя и съ внутренней и съ вѣдшей стороны. И... въ своихъ ожиданіяхъ она не обманулась. Многочисленность собравшейся публики показываетъ, что ею интересуются, за нею слѣдятъ, хотятъ ближе познакомиться.

Благодарная за столь лестное вниманіе, она гостепріимно открываетъ двери всякому интересующемуся ею, и желающему узнать внутреннюю и вѣдшую жизнь ея. Изъ отчета, который будетъ прочитанъ, вы познакомитесь и съ внутренней и вѣдшею жизнью ея

Агть обыкновенно принято сопровождать рѣчью. Мнѣ выпала доля сказать ее. Темою своей рѣчи я избралъ не пользу и важность духовнаго просвѣщенія вообще, и громадное значеніе его для русскаго народа, но состояніе духовныхъ семинарій и духовнаго просвѣщенія въ 18 в. 18 вѣкъ въ исторіи духовнаго просвѣщенія замѣчательнъ преимущественно тѣмъ что вмѣстѣ съ обособенностію духовенства, съ его кастовымъ устройствомъ появились и особенныя для него училища съ исключительно — сословнымъ и специально — богословскимъ образованіемъ. И здѣшняя семинарія по своему составу, если не *de jure*, то *de facto* исключительно — сословное, а по характеру образованія специально — богословское учебное заведеніе. Она прямой потомокъ прежнихъ семинарій.

Представить въ краткомъ очеркѣ происхожденіе и постепенное развитіе духовныхъ семинарій, ихъ виѣшнюю и внутреннюю жизнь, — характеръ самаго образованія и наконецъ практическую приложимость его для служенія русской церкви, чтобы сдѣлать чрезъ это надлежащее сравненіе съ настоящимъ положеніемъ семинарій и съ ходомъ духовнаго образованія — вотъ настоящая задача моей рѣчи. Насколько я выполню, предоставляю судить слушателямъ.

Начало духовныхъ семинарій съ ихъ исключительно — сословнымъ и специально — богословскимъ образованіемъ было положено при Петрѣ I. Царствованіе Петра В. составляетъ знаменательную эпоху въ исторіи русскаго народа. Съ этого времени Россія оставляетъ свою замкнутую жизнь, вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ Европейскими государствами. Виѣшний азіатскій колоритъ, характеризующійся неподвижностію, неподвѣрчивостію, презрѣніемъ къ другимъ народамъ, въ ней исчезаетъ и замѣняется европейскимъ. Россія распростилась съ стариною и пошла, какъ выражались тогда по пути „новшествовъ.“ Виновникомъ такой великой метаморфозы является Петръ, названный за громадныя услуги Россіи Великимъ. Разсматривая личность Петра, его характеръ и дѣятельность, мы находимъ въ немъ самыя разительныя противоположности. Мы удивляемся его геніальному уму, непоколебимой волѣ, замѣчательному безпристрастію и снисходительности, съ

которыми онъ выслушивалъ упреки наставленія; но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ поражаютъ насъ страшныя проявленія деспотизма, непомерной жестокости, въ которой, можно сказать, онъ превзошелъ даже Іоанна Грознаго. Его реформы поражаютъ насъ своею многосторонностію, разнообразіемъ; онѣ касались всѣхъ сторонъ государственной, общественной, семейной жизни, всѣхъ отраслей промышленности. Но къ числу ихъ принадлежатъ и такия, которыя отличаются наивностию, дѣтскостию, вызываютъ улыбку и вопросъ: къ чему онѣ? Его любовь къ Россіи была безгранична; ей посвятилъ всѣ свои силы, всю дѣятельность, не пожалѣлъ даже наследника престола. Но вмѣстѣ съ нею въ немъ легко уживалась и крайняя ненависть доходившая до монотаніи ко всему русскому родному, національному, ко всему тому, что составляло характеристическую особенность Россіи, какъ государства, имѣющаго личныя, индивидуальныя особенности. Желая счастья и благоденствія Россіи, онъ желалъ того же и своимъ подданнымъ. Но его царствованіе — эпоха страшнаго напряженія народныхъ силъ, время ужасныхъ бѣдствій и страданій народа, когда послѣдній гонялся тысячами, десятками тысячъ изъ одного конца Россіи въ другой и тысячами, десятками тысячъ гибъ отъ страшныхъ непосильныхъ работъ. И Петръ былъ глухъ къ народнымъ воплямъ и стenanіямъ. Такия рѣзкія противоположности въ характерѣ и дѣятельности Петра, повторяю, поразительны. Они показываютъ намъ, что Петръ былъ гениальный человекъ, лучший типъ широкой русской природы, но типъ необразованный въ которомъ богатые способности не получили строинаго гармоническаго развитія. Это былъ богатѣйшій, лучший самородокъ русской жизни, но неочищенный отъ сора, землистыхъ частей, не получившій подъ рукою художника прекрасныхъ формъ, а оставленный во всей своей первобытной простотѣ.

Цѣль Петра была сдѣлать Россію европейскою, русскихъ европейцами. Тѣсное знакомство съ нѣмцами кокуя, ихъ рассказы о Европѣ поразили его богатое воображеніе и показали ему громадное различіе между Европою и Россією. Наконецъ собственное путешествіе и лич-

ный осмотр только подтвердили то, что онъ уже слышалъ въ Москвѣ. И вотъ въ его гениальной головѣ зародилась мысль сдѣлать Россію такою же, какъ Европа; не только преобразовать войско, устроить флотъ, но реформировать на Европейскій манеръ всѣ стороны государственной, общественной, семейной жизни, преобразовать исключительно всѣхъ русскихъ въ европейцевъ. Началась безпощадная ломка стараго; для помощи въ этомъ кликнуть былъ кличъ во всей Европѣ и толпы авантюристовъ пошли въ Россію просвѣщать дикихъ Московитовъ и передѣлывать ихъ въ европейцевъ. Разумѣется эта передѣлка началась со внѣшности: началось уничтоженіе всего, что имѣла русь отличительнаго, начиная отъ лѣтосчисленія и кончая желѣзнымъ гвоздемъ. Борода признакъ варварства сначала исчезла подъ искусными рубами Петра и его шута съ лица боярь, а потомъ посредствомъ указовъ со всѣхъ, кромѣ духовенства и пашенныхъ крестьянъ. Длиннополый русскій кафтанъ — символъ, по выраженію одного историка, азіатской лѣни, неподвижности замѣненъ былъ нѣмецкимъ фракомъ, французскимъ и венгерскимъ кафтанами — символами Европейскаго трудолюбія. Та же опала постигла и женскіе костюмы. Запрещено было носить русскіе сапоги съ подковами, а велѣно — нѣмецкіе съ рантѣмъ, хотя послѣдніе оказались неподходящими къ варварскому климату Московіи, промокали, скоро рвались, что очень огорчало расчетливыхъ московитовъ. Ѣздить на русскихъ сѣдлахъ, строить „староманерныя“ суда, тѣть узкія полотна и пр. и пр. Все это проводилось съ страшною жестокостію, при посредствѣ штрафовъ, казней, пытокъ.

Но Петръ, какъ гениальный человекъ, вполне сознавалъ, что одинъ внѣшній видъ, одно переряживанье еще не дѣлаютъ русскаго вполне Европейцемъ. Послѣдній остается попрежнему дикаремъ невѣжественнымъ, грубымъ. Нужны были другія средства для преобразованія его. А такими средствами были училища и распространеніе просвѣщенія. Для достиженія этого онъ послалъ множество молодыхъ людей учиться за границу; завелъ въ самой Россіи училища; имѣлъ намѣреніе основать академію наукъ и только смерть помѣшала осуществленію этого.

Въ своихъ заботахъ въ заведеніи училищъ, распространеніи образованія онъ неоставилъ безъ вниманія и духовенства.

Въ его царствованіе мы видимъ усиленныя заботы къ заведенію училищъ, къ распространенію просвѣщенія среди духовенства. Нужда въ образованныхъ священникахъ увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что русская церковь въ это время переживала самый тяжелый кризисъ. Она, если можно выразиться, была стиснута съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны — расколъ, гордо поднявшій голову особенно въ это время, когда онъ сталъ даже политической партіею. Борьба административная оказалась бесполезною. Гоненія только увеличивали число его приверженцевъ, вносили въ него духъ и жизнь. Онъ хвастался своими страданіями и гордо спрашивалъ: какая церковь истинная гонимая или гонящая. Борьба посредствомъ проповѣди, полемики, учительства оказалась невозможною по крайнему недостатку борцовъ. Съ другой стороны — наплывъ иностранцевъ, вторженіе съ ними Европейскихъ идей, вѣрваній, убѣжденій произвели гибельное вліяніе въ русскомъ обществѣ, особенно въ высшихъ классахъ. Большинство отшатнулось отъ роднаго національнаго, стало стыдиться его и презирать. Презрѣніе простиралось даже на русскую церковь и на духовенство. Многіе видѣли, что оно не соотвѣтствуетъ своему назначенію не можетъ служить достойнымъ представителемъ церкви по своему крайнему невѣжеству, необразованности

Итакъ, чтобы быть достойнымъ представителемъ русской церкви, истиннымъ защитникомъ ея интересовъ, внушить уваженіе какъ въ иностранцахъ, такъ и въ объевропеившихся русскихъ, необходимо нужно было дать ему образованіе. Необходимость этого сознавалъ Петръ еще съ самаго начала своего царствованія. Патріарху Адриану онъ говорилъ: священники ставятся у насъ малограмотные; нужно ихъ сперва научить таинствамъ, а потомъ уже ставить въ тотъ чинъ.

Дѣйствительно малограмотность и невѣжество священниковъ были поразительны. Но они не были плодомъ настоящаго времени, а

составляли печальное наслѣдіе прошедшаго. Упадокъ образованности среди духовенства, а вмѣстѣ съ этимъ и духовнаго просвѣщенія въ русскомъ народѣ начался очень рано, именно съ Монгольскаго ига. Монголы, опустошивъ Россію, наложивъ на нее тяжкія оковы рабства, прервавъ сношенія ея съ Греціею первые нанесли страшный ударъ просвѣщенію. Последнее начинаетъ постепенно упадать, пока въ XV и въ XVI вв. не достигло крайней степени. Сравнивая состояніе просвѣщенія въ до-монгольскій періодъ съ послѣдмонгольскимъ, мы находимъ разительную противоположность. Въ до-монгольскій періодъ все и все стремились къ развитію и распространенію просвѣщенія: князья, митрополиты, епископы, монастыри. Въ князья, начиная съ Владиміра, поставляли одною изъ своихъ существенныхъ обязанностей заведеніе училищъ, умноженіе книгъ, для этого они не жалѣли средствъ. Лѣтописи сохранили намъ имена многихъ. Такъ кн. Ярославъ день и ночь читалъ книги, завелъ общество писцовъ и переводчиковъ. В. князь Константинъ Всеволодовичъ наполнилъ церкви Божіи книгами. Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ самъ лично занимался переписью книгъ. У многихъ князей кѣлѣти были полны книгъ и сами они отличались замѣчательнымъ образованіемъ.

Съ замѣчательнымъ согласіемъ и единодушіемъ съ князьями дѣйствовали на поприщѣ духовнаго просвѣщенія митрополиты и епископы. Они были все люди образованные; обыкновенные отзывы объ нихъ лѣтописцевъ были приблизительно слѣдующіе: „былъ учитель зѣло и премудръ премного“... „философъ велій“. Но они не хотѣли хранить свои познанія подъ спудомъ и слѣшили сообщать ихъ другимъ. Сообщать народу познанія о христіанскихъ истинахъ считали своею существенною обязанностию. „О если бы мнѣ возможно было, восклицалъ епископъ Влад. Сергійонъ, сердце и всю внутренность каждаго наполнить вѣдѣніемъ Божественнымъ! я не тружусь учить васъ, вразумлять и наставлять.“ Кириллъ Туровскій считалъ своимъ долгомъ еженеѣдно проповѣдывать. Проповѣди производили сильное впечатленіе. Они собирали множество слушателей. Такъ,

на проповѣди Кирилла еп. Ростов. собирались не только „князи и вельможи, люди всякаго возраста изъ города Ростова, но іереи, игумены и весь монашескій чинъ, всё приходившіе изъ окрестныхъ городов... слушали его ученіе отъ св. книгъ. Не отставали въ этомъ и священники. Епископы старались напоминать имъ объ обязанности учить народъ.“ Слыши іереевъ соборъ преподобный! восклицалъ митрополитъ Кириллъ: „Забойтесь о порученныхъ вамъ людяхъ... Разумѣйте какъ учить духовныхъ дѣтей. Не слушайте земнаго, писалъ одинъ епископъ, но внимайте ученію св. книгъ да будещи наставникъ мірови и соль земли, да будещи проповѣдатель Божія слова и истины и да возможещи да ти благъ разумъ послушающимъ. Увѣщанія епископовъ не оставались безплодными. Священники учили народъ благочестію... И слово Божіе росло и множилось...“

Особенную заслугу дѣлу духовнаго просвѣщенія принесли монастыри. Появившіеся въ Россіи одновременно съ христіанствомъ, они принесли громадную пользу, ставъ не только центрами, откуда выходили, самоотверженные миссіонеры, но и центрами духовнаго просвѣщенія. Особенная заслуга ихъ относительно просвѣщенія состояла въ томъ, что въ нихъ развился религіозный взглядъ на книжныя занятія. Чтеніе книгъ признано однимъ изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ занятій инока; списываніе ихъ — однимъ изъ средствъ къ достиженію вѣчнаго спасенія. Въ нихъ получили начало и силу гражданства слѣдующія изреченія: „якоже корабль безъ гвоздѣй не оставляется, тако инокъ безъ почитанія книжнаго... „не возможно спастись, ежъ не часть прочитающимъ божеств. писанія.“

На умѣнье писать книги смотрѣли какъ на талантъ, данный отъ Бога и за дѣльность къ перепискѣ ихъ боялись вѣчнаго осужденія: „Аще убо азъ не пишу, боюся осужденія притчи онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ, и облѣнившагося“. Благодаря такимъ взглядамъ на одобреніе книжное въ монастыряхъ началась усиленная книжная дѣятельность. Во главѣ стояла знаменитая Киевопечерская лавра. Она давала тонъ и направленіе всѣмъ монастырямъ. Всѣ вы-

шедшія изъ нея основатели другихъ монастырей, считали своею непремѣнною обязанностію позаботиться о развитіи духовнаго просвѣщенія и лѣтописцы ставятъ это имъ въ величайшую заслугу.

Благодаря всему этому просвѣщеніе въ древней Руси стояло довольно высоко. Она выставила изъ себя рядъ проповѣдниковъ, лѣтописцевъ. Правда ихъ произведенія не самостоятельны, представляютъ слѣдое подраженіе греческимъ образцамъ. Но это должно было такъ быть. Русскимъ того времени нужна была не твердая пища научныхъ изслѣдованій, изысканій, а усвоеніе болѣе простыхъ наглядныхъ предметовъ, писаніе по поданнымъ образцамъ, чтобы потомъ дѣйствовать и самостоятельно. И это было бы если бы нормальный ходъ развитія жизни русскаго народа не былъ насильственно прерванъ.

Монгольское иго, уничтоживъ свободу и самостоятельность Россіи, нанесло тяжелый ударъ просвѣщенію. Упадокъ его начинать идти быстрыми шагами, пока въ XV и XVI вв. не достигаетъ высшей степени своего развитія Эти вѣка представляютъ полную картину невѣжества.

Училищъ въ это время не было, и люди, желавшіе пріобрѣсть какое либо образованіе, должны учиться у частныхъ лицъ, такъ называемыхъ „мастеровъ“. Но какое это было образованіе, можно судить по слѣдующимъ словамъ Геннадія архіеп. Новгородъ: „Вотъ приводятъ ко мнѣ мужика (для посвященія); я приказываю ему читать апостола, а онъ и ступить не умѣетъ. приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: *землю господине такова, не можемъ добыть ктобы умѣлъ грамотъ*. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй господине вели учить. Приказываю учить эктению, *а онъ и къ слову пристать не можетъ*; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку и онъ, немного поучившись просятъ прочъ, не хотять учить ее“. Какая жалкая и печальная картина образованія! И это было, нужно замѣтить, въ Новгородъ области, богатой средствами, имѣвшей постоянныя связи съ западною Европою.

Таковую же печальную картину жалкаго невежества рисуетъ столетіе:

„Оставленнхъ, хотящихъ въ попы и дьяконы ставитись, а грамотѣ мало умѣютъ. И святителемъ ихъ поставити ино сопротивно божественнымъ правиламъ, а не поставили, ино св. церкви безъ цѣны будутъ, а православные христіане учнутъ безъ покаянія и причастія умирати“. А учиться имъ негдѣ.... „Что касается знанія „мастеровъ, то они сами „мало умѣли, и силы въ божеств. писаніи ничего не знали“. Отъ того учили ребятъ грамотѣ и только портили, а между тѣмъ за ученье вечерни принеси мастеру кашу, да гривну денегъ; за утреню тоже, или и больше... За часы особо. А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ, едва, едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка и во все не знаетъ. И это, нужно замѣтить, не было удѣломъ одного низшаго духовенства, а вообще всѣхъ сословій русскаго общества. Въ монастыряхъ, прежде центрахъ духовнаго просвѣщенія, въ полной силѣ царствовала безграмотность. Здѣсь уже забыты были прежнія изреченія: „якоже корабль безъ гвоздѣй не составляется, такъ инокъ безъ почитанія книжнаго“. Напротивъ стали говорить даже въ поученіяхъ, что иноку недолжно заниматься обученіемъ мальчиковъ. Подобныя мнѣнія замедлили принести свой плодъ. Нынѣ въ Софійскомъ дому, жаловался Афеоніи митрополитъ Новгородскій, ризничаго пѣтъ, а взять негдѣ; во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы перевелись, а которые и есть и тѣ бражничаютъ, а грамотѣ не умѣютъ“.

Подобный всеобщій упадокъ грамотности имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія. Русскіе ударились въ пустую механическую обрядность.

Иностранцевъ поражало въ Россіи обиліе храмовъ, часовенъ въ городахъ и селахъ; дома богатыхъ украшались иконами внутри и снаружи, по городу постоянно слышался звонъ „доброшумныхъ“ колоколовъ; вездѣ можно было встрѣтить духовенство съ св. водой, иконами, крестами. Но вмѣстѣ съ этимъ поразила ихъ и крайняя распущенность нравовъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ мы видимъ угне-

теніе низшихъ классовъ, высшими, бѣдныхъ богатыми, подчиненныхъ начальствующими, въ судахъ господствовали страшныя пытки и казни. „Семейная жизнь страдала отъ грубаго исключительно чувственнаго отношенія половъ. Неуваженіе къ личности женщины теперь доходитъ до пее plus ultra. Проповѣдь замолкла всюду. „Въ Россіи въ церквахъ никогда не проповѣдываютъ“ — вотъ обыкновенный отзывъ путешественниковъ иностранныхъ. Все это бы еще ничего, если бы не говорили проповѣдей по невѣжеству. Напротивъ, составилъ враждебный взглядъ на проповѣдь, какъ на источникъ ересей и въ силу этого даже не позволяли произносить. „Москвитяне не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣди“ пишетъ одинъ путешественникъ. „Они думаютъ, писалъ другой, что этимъ избѣгаютъ разности въ мнѣніяхъ и ересей.“ Чтеніе книгъ, самое совершеніе богослуженія было механическое, безсознательное. А если и хотѣли отнестись сознательно, то плодомъ этого были самыя уродливыя толкованія. Такъ подъ „свышнимъ миромъ“ въ ектеніи разумѣли міръ ангельскій, надписи на иконахъ богородицы *μῆτηρ Θεοῦ* читали Марю, вустодію называли дочерью Пилата и т. п. Только немногіе люди сознавали всю гибель подобнаго положенія дѣлъ; большинство же въ гордомъ самодовольствѣ было какъ нельзя болѣе довольно этимъ. Въ это время возникъ враждебный взглядъ на науку и просвѣщеніе. Чтеніе книгъ считали не только источникомъ ересей, но даже и сумасшествія. Многіе „мнящіися быти учителями“ старались всѣми мѣрами отвлекать молодыхъ людей отъ ученія книжнаго. „Глаголютъ бо они прельщающе юношѣ тщаливыхъ науце хотящихъ. . и съ прещеніемъ заповѣдаютъ. . не читайте книгъ многихъ и указываетъ на тѣхъ, кто ума изступилъ и онъ аща во книгахъ зашолся, а онъ сица въ ересь всалъ. Отъ чего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ и чимъ сретиси обличаются, а нѣкоторые исправляются. И сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарекають.“ Такимъ образомъ густая непроглядная тьма невѣжества покрыла русскую землю. Ни одинъ лучъ просвѣщенія не могъ проникнуть и освѣтить ее. Русь св. обратилась въ русь фарисейскую со внѣшнею показною набожностію и съ внутреннимъ нравственнымъ раз-

вразомъ. Если и проявлялись проблески просвѣщенія то они, подобно молнии только на мгновеніе освѣщали, и уогаснувъ, оставляли еще большиі мракъ. Такое печальное положеніе дѣлъ почти во всемъ составѣ перешло и послѣ Петровскую Русь. Усилія патріарховъ въ развитію просвѣщенія были не болѣе какъ слабыя попытки и не оставляли замѣтнаго слѣда. Духовенство особенно низшее, было такъ же невѣжественно при Петрѣ, какъ и въ преемное время. Тогдашніе памятники представляютъ намъ поразительные факты. Въ челобитной одного десятскаго холмогорскому архіепископу Афанасію вотъ что доносится: „вѣдомо тебѣ государю буди, что священникъ Иванъ амтургій Божіи служить не умѣетъ, младенцевъ врещаетъ безъ міра и безъ масла.“ Посошковъ писалъ: „нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть рѣченіе вѣра, и не до сего ста, но есть и таковыя, что церковныя службы, како, прямо отпавити, не знаютъ. .. Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго рода боярина Пѣва Кирилловича Нарышнина, что и татарскіе противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельскій попь, иже и вѣры христіанскія, въ чемъ она основана не вѣдаеть. „Еще болѣе поразительные факты сообщаетъ намъ Димитрій Ростов. Разъ отпавляясь изъ Ростова въ Ярославль, св. Димитрій пожелалъ видѣть на пути одну приходскую церковь и поклониться св. тайнамъ. „Гдѣ животвориція Христовы тайны“ спросилъ онъ священника. Последній молчитъ. „Гдѣ тѣло Христово“ повторилъ святитель. Опять молчаніе. Когда же одинъ изъ священниковъ, бывшихъ съ святителемъ, спросилъ гдѣ запасъ, „священникъ изъесть изъ узла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую сватыню, на нюже ангелы смотрять со страхомъ.“ Вы видите, что священникъ даже не имѣлъ понятія о тѣлѣ Христовѣ. Невѣжество доходило до того, что священники приобщали дѣтей *анасмой* и по этому случаю имъ нужно было объяснять что такое *анасма*, не знади самыхъ общественныхъ событій исторіи, утверждая, наур., что Петръ отсѣкъ Малку ухо тѣмъ мечемъ, которымъ пророкъ Ілія избилъ пророковъ Вааловыхъ.

Вообще вотъ какой отзывъ даетъ святой Димитрій о священникахъ: они „весьма въ разумѣ книжномъ неискусны, едва точію, что прочести могутъ, ниже чтамаго разумѣюще и отнюдь учительствовати невѣдуще. „Но это можно относить не къ однимъ священникамъ, а и ко многимъ епископамъ. Многие изъ нихъ не могли сами составлять поученій, и для нихъ вынуждены были составить особенный сборникъ.

Лучшіе пастыри не могли безъ раздражающей душу скорби смовѣтъ на подобное положеніе дѣл. „Оле окянному времени нашему“ восклицаетъ святой Димитрій, „яко отнюдь пренебрежесе сѣяніе, весьма остависа слово Божіе, ниже радить кто-либо о душѣ своей и о ближняго. Святители не сѣють, а земля не приемлетъ: іереи не брегуть, а людіе заблюждаютъ: іереи не учать, а людіе невѣжествуютъ: іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ, ниже хотять слушати. Отъ обю страну худо: іереи глупы, а люди неразумны. Пастыри заблуждаютъ, а овцы за ними не вѣдаютъ камо бредуть: слѣпыя слѣпыхъ водать и купно въ яму впадаютъ.“

Представивъ краткій очеркъ состоянія духа просвѣщенія до Петра, обратимся теперь къ обзорѣнію тѣхъ мѣръ, какія предпринимались для его развитія.

Кромѣ уже существовавшаго училища въ Москвѣ много заведено было и въ другихъ епархіяхъ—въ Новгородской, Ростовской, Нижегородской, Холмогорской и друг., начался усиленный вызовъ ученыхъ изъ малороссіи въ учителя новоутвержденныхъ школъ. Но прочную организацію духовное просвѣщеніе получило уже съ утвержденіемъ св. Синода. По распоряженію духовнаго регламента каждый епископъ обязанъ былъ завести при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ или и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ.“

Въ силу этого распоряженія регламента, какъ верховнаго закона, епископы вынуждены были открывать школы. Къ этому ихъ особенно побуждали стѣснительныя правила относительно кандидатовъ во

священники. Вѣдно посвящать только вышедшихъ изъ школъ; доступъ для неученыхъ совершенно закрывался; опредѣлено было ставить ученаго священника, недожидаясь даже согласія прихода. Благодаря всему этому съ 1721 по 1725 г. открыто было до 14 школъ, кромѣ существовавшихъ уже ранѣе. Въ послѣдующія царствованія мы замѣчаемъ постоянныя открытія школъ при другихъ архіерейскихъ каедряхъ.

Слѣдя за постепеннымъ открытіемъ семинарій мы находимъ здѣсь одно достойное замѣчанія, именно, что основаніе ихъ было подчиненіе чисто случайнымъ вѣшнимъ обстоятельствамъ; самое существованіе ихъ не имѣло характера устойчивости. Не смотря на ясный категорическій приказъ имѣть при каждомъ архіерейскомъ домѣ школу онъ не исполнялся. При многихъ архіерейскихъ домахъ не было школъ въ теченіи всего 18 в. Свѣтское правительство замѣчало это и сваливало всю вину на „духовную команду.“ Въ 1739 г. Синодъ жаловался, что хотя многіе указы объ учрежденіи семинарій были посланы, однако раченіе въ нѣгихъ мѣстахъ является быть не токмо слабое, но почти и мало нѣтъ, а чего ради такое небреженіе чинится неизвѣстно, что все относится наипаче на главную духовную команду, а тому виновные, хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго долга ихъ въ томъ ни мало не зависить.“ Справедливость требуетъ сказать, что подобный укоръ преимущественно относился къ архіереямъ великоруссамъ. Что касается малоруссовъ, то они все заботились о заведеніи школъ и распространеніи духовнаго просвѣщенія. Имена нѣкоторыхъ навсегда останутся драгоценными въ исторіи духовнаго просвѣщенія.

Самое существованіе, какъ мы сказали не было устойчиво. Черезъ весь 18 в. мы видимъ почти постоянное закрытіе и открытіе семинарій; иные закрывались на всегда, другіе на время. Причина этого лежала во 1-хъ въ недостаткѣ средствъ, въ 2-хъ въ небрежности преосвященныхъ. Въ Ростов. области еще при св. Димитріи училища, основанныя имъ, прекратили свое существованіе, какъ ни горько и ни

прискорбно было это для св. Димитрія. „И азъ грѣшный, писалъ онъ о Лову, волею Господнею на престолъ Ростов. поствы пришедъ, началъ прилагати тщаніе о ученіяхъ и завелъ былъ училище греческое и латинское, и поучилися были ученики лѣта два не больше, иже начали были граматіку разумѣти не злѣ, но попущеніемъ Божиимъ сотворившаяся дому архіерейскому скудость сотвори препятіе о оставиша ученія: понеже вознегодоваша питающіи насъ, аки бы многая исходить на учителя и ученики издержка, и уже вся та чѣмъ дому архіерейскому питатися отъ несъ отъяты суть. „Многіе пастыри р. закрывали школы просто по нелюбви къ книжному ученію, какъ къ „новшеству“ Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ Казанскомъ Гавріилѣ, что онъ „къ содержанію семинаріи и ученыхъ людей... не имѣлъ склонности. почему и все, до него такимъ образомъ заведенное, уничтожить велѣлъ, вмѣняя въ добродѣтель все прежде. Въ Россіи небывалое истреблять безъ остатку.“ „Чего ради такая не по здѣшной епархіи школа построена, говорилъ Арханг. архіерей Варсонофій:“ да „школамъ въ здѣшной скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи Черкасичики, ни къ чему не годницы“ экзаменатора школы Венедикта Галецкаго онъ ненавидѣлъ какъ молороссіянина и всячески притѣснялъ, когда тотъ, невынесши дурнаго обращенія, уѣхалъ, Варсанофій обрадовался и говорилъ: „Слава Богу, Черкашенина отсюда избыли.“ Бывало иногда такъ, что семинарія закрывалась по случаю наѣзда комиссіи, которая избирала семинарію своимъ мѣстопробываніемъ и разгоняла учениковъ. Такъ было это въ Рязани. Только къ концу 18 вѣка существованіе семинарій стало устойчивымъ. Такой порядокъ дѣлъ крайнѣ вредно отзывался на самомъ ходѣ семинарскаго образованія. Ученики только что начинали едва читать и писать, какъ принуждены были „брести врозь“ по домамъ своихъ родителей и тамъ доканчивать свое образованіе уже „псалтырнымъ“ образомъ.

Къ этому несчастію семинарскаго образованія примѣшивалось другое — недостатокъ воспитанниковъ. Казалось теперь всего болѣе естественнымъ, что духовенство обрадуется новымъ школамъ и будетъ охотно посылать своихъ дѣтей. Къ этому могло побуждать ихъ особенно то, что они ни копѣйки не употребляли на своихъ дѣтей, потому большія льготы даваемыя получившимъ школьное образованіе. Но... случилось не такъ. Духовенство русское враждебно встрѣтило новоучрежденныя школы.

Оно непосылало своихъ дѣтей, не обращая вниманія на повтор-

тельные указы. Правительство потеряло терпѣніе... Начались угрозы: въ указахъ не велено было никуда непринимать неученыхъ дѣтей, кромѣ „солдатства.“ Когда и эта мѣра оказалась не дѣйствительной, обратились къ другимъ: назначены были штрафы и штрафы громадные, именно, по 10 руб. за каждаго не представленнаго мальчика, велѣно было лишать священниковъ мѣстъ за непредставленіе дѣтей въ школу. Даже подвергались низверженію изъ сана, жестокому тѣлесному наказанію и наконецъ отсылкѣ въ далекий монастырь. Когда и это не помогло стали посылать уже военныя команды для захвата дѣтей въ школу. Такимъ образомъ началась охота на дѣтей духовенства. Посылка этихъ командъ изъ консисторій продолжалась почти чрезъ все 18 столѣтіе

(Продолженіе будетъ)

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Ногайская городская управа приглашаетъ желающихъ занять вакантную должность законоучителя въ Ногайскомъ двухклассномъ училищѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, регента церковнаго хора, съ содержаніемъ отъ города 600 руб. сер. въ годъ. Желающихъ занять эту должность просить прислать въ управу свои заявленія не позже 15 Августа сего года, съ приложеніемъ документовъ объ образованіи и аттестаціи о способности управленія хоромъ.

Редакторы { Рectorъ сем. Архимандритъ *Арсеній*
 { Протоіерей *Андрей Жезеленко*.

Дозволено цензурою. Симферополь, Августа 1-го дня 1875 года.

Цензоръ Протоіерей *Григорій Левинскій*